

НАРОДНОЕ зрелище — так определен жанр спектакля театра «Ромэн» «Мы — цыгане». Используя классические произведения, посвященные цыганам, историю и фольклор этого народа, авторы постановки создали литературно-музыкальную фантазию романтической формы, обобщившую отраженную в искусстве историю цыганского народа (пьеса И. Ром-Лебедева, Н. Сличенко, режиссер-постановщик Н. Сличенко, художник С. Бархин). В спектакле 14 эпизодов, каждый из которых помогает полнее понять образ мысли и чувства, нрава и быта цыган прошлого, понять исторические истоки их искусства, формирующие национальный характер.

...В доносящийся с затемненной сцены размеренный звук метронома неожиданно врывается красивый мужской голос. Луч прожектора высветливает молодого певца. Это наш Современник (Н. Сергиенко). Он поет старинную песню, поет с тем захватывающим чувством, что всегда отличало цыганские песни. И как будто показывая: прошедшие века не остудили горячую цыганскую кровь. Вторым лучом прожектора в глубине сцены высветлен Пришелец из прошлого (М. Оглу). Он подхватывает песню, и в его голосе звучит тот же страстный призыв, та же боль, тоска по любимой. Удачно найденный прием исторической ретроспекции стал ключом режиссерского решения спектакля, раскрывающим неразрывную связь эпох и поколений, Чередованка возникающих из тьмы прошлого эпизодов снова сопровождают звук метронома и комментарий Современника, объединяющий фрагменты в связное действие.

ГДЕ ЦЫГАН СЧАСТЬЕ УЗНАЛ

«Уходит в прошлое жизнь поколений, — начинает свое повествование Современник, — но в произведениях искусства, в народном творчестве остается то, чем прославили свой век ушедшие люди».

...Возле задника сцены, высветленные слабым светом, поднимаются трепетные руки. Небо становится голубым, ярким, и на его фоне появляются причудливо одетые люди. В их костюмах — национальные мотивы тех народов и стран, где скитались цыгане, много веков не имевшие родины. Не одолеть бы им не-

Соня ТИМОФЕЕВА — Кармен — в эпизоде «Мадонна-мгеллика».

зримой стены времени, не оставившие на пути веж искусства, в котором живет душа народа, его история. Из тьмы веков в поисках земли обетованной Цыган ведет Вожак (С. Золотарев).

Скитальцы омызают лица в водах священного Ганга, приходят в Египет, называя себя египтянами, поют и танцуют «по-египетски», а потом покидают землю, так и не ставшую их матерью. Изнемог в пути и упал Вожак, но из ослабевших его рук принял посох полный сил и надежд юноша, и вновь колесят цыгане бескрайними дорогами, оставляя песни и танцы, рожденные долгим страданием и короткими радостями (балетмейстер М. Мартиросян, композитор В. Гроховский).

Во все времена женщина цыганка была нравственной опорой рода, хранительницей очага, передающей детям традиции поколений. Эта мысль поэтически выражена в эпизоде «Цыганские мадонны». Вскинуты, как в танце, быстрые руки, умеющие потрясать бубен, оседлать непокорного коня и в нежной ласке коснуться любимого... Цыганки баюкают рожденных в пути младенцев, и в их пении слышна неизбывная нежность, светлая радость, что звучит в колыбельных всех матерей мира.

«Искусство цыган обогащалось искусством народов, среди которых они жили, но никогда не ассимилировалось в нем, не гарило своей первородной самобытностью», — говорит Современник. Эта мысль ясно прочтывается в постановке танцев эпизода «Фараонов племя», молдавских и венгерских цыган, испанской песни.

Глубоко продуманный, целенаправленный отбор фрагментов из произведений Пушкина и Лескова, Гюго и Мериме показывает, что французскую Эсмеральду (А. Федоренко), испанскую Кармен (С. Тимофеева), молдавскую Земфиру (А. Дальская) и русскую Грушеньку (Р. Демент) объединяет общность национального характера: страстная гордость, свободолюбие и бесстрашие. Смерть — предпочтительней постылой жизни без любви и свободы.

Множество стран прошли цыгане, всюду оставаясь изгоями. «Они дошли до Дуная, — повествует Современник, — и тут разошлись пути народа. Одни пошли за солнцем, другие повернули ему навстречу...» И вдруг, как легкое дуновение ветерка, донеслась до их слуха русская народная песня, простая и задумчивая, голос голубоокой Руси... Не раздумывая, пошли цыгане на этот зов, суливший понимание, дружеское участие. «Каждый русский будет сочувствовать цыганской песне, потому что корень ее народный», — цитирует Льва Толстого Современник, предсказывая, что именно в России обретут цыгане Родину-Мать.

Утверждая слова великого писателя в эпизоде из его пьесы «Живой труп», хор театра звучит сильно, мощно, и как бы из этого звука доносится фраза Александра Куприка: «Было, стало быть, какое-то непобедимое стихийное очарование в старинной цыганской песне, очарование, заставляющее людей плакать, безумствовать, восторгаться...».

Николай СЛИЧЕНКО в эпизоде «Священная война».

Фото Ю. ЗЕНКОВИЧА

Умение авторов спектакля найти произведение, наиболее полно отражающее исторические события, позволило решить идею эпизода «Освобождение» стихами Александра Блока. Их читает освещенная алым лучом Цыганка из Революции (И. Некрасова).

«Ветры, ветры, ветры — друзья, есть на свете такая земля, где цыган счастье узнал, пел без слезы и не страдал, — великодушно поет Николай Сличенко в одной из последних сцен. Так спектакль обретает ту яркую эмоциональную выразительность, которую обещал предложенный авторами жанр народного зрелища. «Мы — цыгане» — постановка большого гражданственно-гуманитарного зрелища, чудесный подарок коллектива первого в мире цыганского театра 60-летию Великого Октября.

Ольга ФЕДОНИК